

Канонада, кукушка...

О рождении дня без умолку поёт канонада,
с удивлением рыжая белка глядит на меня.
Я смеюсь ей в ответ, не таясь, хриплым смехом из ада,
в нём мозаику здравого смысла храня.

Ранним утром иду, полусонных ворон разгоняя,
и курю не спеша, размышляя о странной войне.
Канонада. Кукушка. Я годы и жизни считаю,
парадоксам Донецка в душе удивляясь вдвойне.

Канонада, кукушка и пряткая рыжая белка —
вам уже горожан удивить не дано.
«Забивает» под утро кому-то костлявая стрелку,
и кому-то приснится далёко-глубокое дно.

Не забудется больше дрожанье разбитой коленки
в такт дрожанию стен обречённо стоящих домов.
Канонада, кукушка и огненно-рыжая белка,
и молитва Господня... из болью подобранных слов.

Помнить буду до смерти – мне так повелела кукушка,
тех, кто вспомнить уже не сумеет, поверь,
как на мирных людей заходила стальная «вертушка»,
как гашетку давил и давил человеческий «зверь».

Имярек иступлённо кричит: «Все вы здесь пропадёте!
Против «жизни хозяев» вы – глупая, мелкая тля!»
Но кукушкой клянусь, убитой осколком в полёте,
не сдаётся подонкам Донецкая наша земля!

Благовещение в Донецке

В паутине весны заблудилось встающее солнце,
возле школы сороки гнездо, суетясь, затевают,
семиклашки мечтают спасти альбигойцев,
а учитель об отпуске тайно, с улыбкой, мечтает.

Мелюзга, во дворах шелестя прошлогодней листвой,
под деревьями ищет весёлый цветок первотала,
сизари-дуэлянты воркуют свой вызов на бой,
а девчонка щебечет, как с Ваней она танцевала.

В этот день позабыты кошмары смертей и агоний,
и в Донецке бескрайнее небо, как вечность над раем.
Мы бессмертием дышим и смотрим, и смотрим в ладони
белокрылого ангела, что над домами витает.

Донецкие маги

Седеют холмы и курганы
остатками мёртвого снега,
прогалины – чёрные раны —
как символы для оберега.

В оврагах, как в песнях и сагах,
где канули годы в столетья,
скрываются добрые маги —
наивные, древние дети.

Закутавшись в угольных складках,
они начаруют стократ
ковыльные волны и сладкий
цветов полевых аромат.

Сплетут узелок заклинаний
из солнечно-лунных лучей,
из радостных снов и желаний,
из горестных дней и ночей.

Затянется тот «узелочек»
на памяти нашей навек,
чтоб помнили мы между строчек
сколь здесь полегло человек.

Отважных и сильных героев,
достойных великих былин,
а также бродяг и изгоев,
пришедших из чуждых долин.

Их время собрало в курганах,
их сотни и тысячи тут —
батыров, нукеров и ханов,
героев походов и смут.

А может быть их миллионы
скопились за сотни веков?
Мерещатся гулкие стоны —
рефрен неразборчивых слов.

Но с каждым мгновеньем всё чётче,
но с каждой минутой ясней
мне сон, наколдованный ночью
волшбою донецких степей,

о том, как седеют курганы
от времени и перемен.
Они, словно древние храмы,
нас вновь поднимают с колен.

И вот не страшны уже эти
вторжения новых изгоев.
Встают повзрослевшие дети —
потомки курганных героев.

Не все доживут, но весною
донецкие добрые маги
своим заклинаньем откроют
Донбасса холмы и овраги.

И выйдут на склоны родные
защитники древних храмов,
и больше не будут седыми
от мёртвого снега курганы.

Донецкий соловей

Город спит, устав от артобстрелов,
Дышит тяжело под лай собак.
Майский шелест листьев неумело
Глушит дальний гул ночных атак.

Нет, не спит, в дремоте на минутку,
Крикни – отзовётся стоном ран.
Только вдруг, пронзительно и чутко —
Соловьиный щебет – Божий план!

Так выводит радости кантаты —
Маленький певец весенних грёз,
Чтобы приумолкшие солдаты
Не дождались материнских слёз.

Паутиной звуков оплетает
Площади, кварталы, и во сне
Маленькой надеждою витает
Над большой мечтой о мирном дне.

Наш солист умело душ коснулся —
Не нарушит он ночного сна...
И напев смертельный захлебнулся —
Соловьём пристыжена война.

Грозы

Провожали на войну с плачем жёны,
мы боялись умереть этим летом,
не боятся дураки и пижоны,
и, наверно, старики, тайно где-то.

Над Донецком пронеслись ночью грозы,
жёны плакали, уткнувшись в подушки.
Мы немного, все, под местным наркозом,
спим и дышим в унисон нашим пушкам.

Дни растут под канонаду годами,
и взошли на чёрном – красным и белым.
Вот уж девушки – со шляпками дамы:
справа сын и фотокарточка – слева.

Снова проводы в молчанье и плаче,
и боимся умереть, как и прежде.
Нам казалось, всё сегодня иначе.
Нет, всё также, но и та же надежда

под грозу и канонаду. На плечи
давят горькими потерями годы.
И мечтает о рассвете под вечер
мой народ – донецкой, твёрдой породы.

Молитва по-Донбасски

Кочевали здесь гордые ханы
и придумали сабельный пляс.
Но оставил в полях лишь курганы
от кочевников древний Донбасс.

На колени под звуки «осаннь»
так хотели поставить всех нас
слуги папы, хафизы Корана,
но стоит православный Донбасс.

Если слух режут звуки «тамтама» —
страшный призрак «зигующих» масс —
перезвоном откликнутся храмы
и гудками заводов — Донбасс.

Я живу, невзирая на раны,
нанесённые сердцу не раз.
Есть на землю мою чьи-то планы,
но твержу: «Не сдавайся, Донбасс».

Пусть попробуют мира титаны
обнулить процветание рас.
Наш народ в «зеро» списывать рано —
заявляет упрямый Донбасс.

Без обид джентльмены и дамы,
ваших ценностей скучный коллапс
в терриконах, обугленных вами,
похоронит бродяга Донбасс.

Вновь проносятся здесь ураганы
чёрных свастик, чумы и проказ,
и грохочут войны барабаны,
но поёт песню жизни Донбасс.

Демагоги, кликуши, тираны
друг за другом уйдут в сотый раз,
слижет время великие страны,
но останется вечный Донбасс.

В донецкой степи

Плачет в поле лазурный шалфей над ковыльной степною волной,
плачут маки на склонах полей, и желтеет малыш зверобой.

Почему поседел мой ковыль в этот солнечный, ласковый день?
Почему седовласая пыль стала пеплом родных деревень?

Стонет призрак небес — пустельга: слишком сытен безумия пир.
Помнят древней реки берега, как за Калкой закончился мир.

Дремлет грузный седой террикон, лёгкой дымкой закрыт небосвод,
в рагнарёк погружается сон, в тьму просторов уходит народ.

Я хочу поседеть как ковыль — заплатить этой малой ценой
за мальчишески-смелую быль, за девчоночьи-тихий покой.

Я рассыпаться пробую в пыль вместо этих корней-городов,
древнерусский запомнивших стиль жизни, силы и праведных слов,

слиться с миром, как клевер с пчелой, раствориться в усталой земле,
каплей веры, седой, но живой, как кузнечик на том ковыле.